

**«ВОЙНА СЛОВОМ»:
АНТИСОВЕТСКИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И АНТИКОЛХОЗНЫЕ
ЧАСТУШКИ НА ГОМЕЛЬЩИНЕ В 1930-Е ГОДЫ**

И. В. ИГНАТЕНКО

Учреждение образования

«Гомельский государственный университет им. Ф.Скорины», г. Гомель

Коллективизация сельского хозяйства – одно из самых неоднозначных мероприятий, проводимых советской властью. Курс на коллективизацию сельского хозяйства был принят на XV съезде ВКП (б) в 1927 году. Создание коллективных крестьянских хозяйств в начальный период коллективизации совершалось без принуждения. Однако из-за непопулярности среди крестьян таких видов землеустройства как коммуна, артели и ТОЗы (непопулярность была вызвана неприемлемым для крестьян обобщением имущества и несправедливыми способами оплаты труда) руководство страны взяло курс на массовое создание коллективных крестьянских хозяйств (колхозов).

На 1 октября 1929 г. в БССР в колхозное строительство было вовлечено лишь 3,8% крестьянских хозяйств республики. В колхозы Гомельщины (под Гомельщиной необходимо понимать территорию Гомельского округа с 1926 по 1930 гг. (Брагинский, Буда-Кошелевский, Ветковский, Гомельский, Добрушский, Комаринский, Лоевский, Речицкий, Уваровичский, Хойникский, Тереховский, Чечерский районы БССР) было вовлечено 5% от всех крестьянских дворов, а земельная площадь под колхозами составляла 9% всей площади округа [1, л. 76].

Небольшие темпы коллективизации срывали план по «перекачиванию» средств из сельского хозяйства в промышленность. В связи с этим 7 ноября 1929 года в газете «Правда» была напечатана статья И.В. Сталина «Год великого перелома», которая положила начало сплошной коллективизации (по мнению советского руководства, сплошная коллективизация смогла бы обеспечить государственную заготовку зерна независимо от снижения урожайности и снижения общего валового сбора зерновых).

Погоня за высокими темпами коллективизации сопровождалась принудительными мерами, административным нажимом на крестьян: большие нормы сельхозналога, самообложение, «нажим на кулаков, злостно задерживающих и не сдающих своих излишков государству» [2, л. 59], контроль за ходом хлебозаготовок, несправедливое обложение в индивидуальном порядке бедняцких и середняцких дворов [3, л. 73],

привлечение к ответственности крестьян, которые отказывались сдавать зерно государству [4, л. 187].

В первой половине 1929 года в Беларуси произошло 21 массовое выступление крестьян, а в 1930 году эта цифра увеличилась до 508 [5]. Помимо массовых выступлений, поджога имущества, убийства активистов, крестьяне Беларуси использовали и пассивные формы сопротивления: уклонение от уплаты налога, агитация против вступления в колхозы, распевание антиколхозных частушек, распространение антисоветских листовок и т.д. Не стала исключением и Гомельщина.

С первых дней проведения массовой коллективизации крестьяне Гомельщины восприняли создание колхозов как возобновление крепостного права. Местное население часто называло колхозы «пригоном» (с. Еремино, Гомельский район) [6, л. 324] или «кабалой» («Вы (советская власть. – И.И.) даёте льготы (колхозам. – И.И.) с тем, чтобы нас затянуть в кабалу» (д. Селицкое, Чечерский район, д. Блюдница Уваровичский район) [7, л. 381]. Во многих случаях вступление в колхоз у крестьян ассоциировалось с голодом и нищенским существованием. Так, в деревнях Рыславль и Ухово Ветковского района можно было услышать такие высказывания: «У калгас ійсці значыць галадаць», «Колхозники работают каждый день, а на зиму останутся без хлеба», «В колхоз я все равно не пойду, потому что там можно сдохнуть без хлеба» [8, л. 8 – 8 об.; 9, л. 74, 76]. Такого же мнения придерживались и крестьяне, уже вступившие в колхоз; «в этом дурном колхозе будешь век свой работать на дармоедов, которые при реализации урожая забирают все поголовно, никого не спрашивают, а заплатят то, что им не жаль. Если мы будем работать в колхозе, то из горя и нищеты не вылезем» [10, л. 608]. Интересные сведения об отношении крестьян к политике налогообложения в 1930-е гг. сохранили жители д. Литвиновичи Кормянского района. При проведении общего собрания в колхозе имени Лепешинского один крестьянин охарактеризовал политику налогообложения словами «жми-дави». В результате этот крестьянин был сослан за пределы БССР – в Сибирь [11]. Крестьяне негативно относились к созданию колхозов и не скрывали этого, что подтверждают описанные выше факты. Люди говорили о том, что видели. Это были слова человека, который реально мог оценить ситуацию, а не слова из постановлений ЦК ВКП(б), которые только требовали обязательного «повышения норм». Данные высказывания не были единичными и встречались повсеместно. Характер таких высказываний был определен непосильными нормами хлебазаготовок для колхозов, неопределённой оплатой труда, нищенским существованием крестьян, вступивших в колхозы.

Еще одним проявлением пассивного сопротивления политике советской власти в деревне в 1930-е гг. являются политические частушки, которые были одним из средств выражения гражданской позиции крестьян. По

мнению исследователей, в политических частушках прослеживается конфликт двух противоборствующих сторон, и одно и тоже событие может подаваться с диаметрально противоположных точек зрения. Так, если официальная пропаганда прославляла советскую власть, то неофициальный фольклор был направлен на высмеивание последней [12, с.7]. Вероятно, что частушки распространялись и как средство развлечения, но советская власть видела в них угрозу.

Исследованию политического фольклора в Беларуси посвящено ограниченное количество работ. Стоит отметить работу И. Романовой, в которой приведены примеры антиколхозных частушек в Беларуси. По ее мнению, многие политические частушки имеют аналоги среди собранных А.Д. Волковым на территории всего СССР [13, с. 107]. В данной статье приведем пример тех частушек, которые встречаются на территории Гомельщины.

В 1928 году ОГПУ СССР фиксировало увеличение случаев появления антисоветских стихов, частушек, которые быстро распространялись среди крестьян, преимущественно в устной форме [13, с. 107]. В д. Покоть Чечерского района в 1930 г. были зафиксированы факты появления антисоветских листовок и газет, написанных в виде частушек и расклеенных по всей деревне. Для выяснения обстоятельств в данный населенный пункт был направлен сотрудник ОГПУ, однако автора листовок и газеты установить не удалось [7, л. 225]. В 1930-е гг. районные отделы ОГПУ сообщали о случаях демонстративного исполнения частушек. Например, в 1936 г. в деревне Кораблище Чечерского района на устраиваемых вечеринках крестьянки пели и танцевали частушки с контрреволюционными припевами. Данный танец среди крестьян получил название «Три Феклы», так в нем участвовали три женщины с именем Фекла: жена кладовщика, жена заместителя председателя и жена члена правления колхоза «Ворошилова» [13, с. 107].

Кроме того, антисоветские частушки исполняли и дети, которые, в отличие от взрослых, не понимали всей серьезности данного поступка. Например, в Чечерском районе имел место случай исполнения учениками школы на уроке белорусской литературы так называемого «кулацкого фольклора». При проверке выяснилось, что данные частушки они слышали от нищего, который исполнял их под скрипку на базаре в г.Чечерск. В результате, с учениками была проведена беседа, а учитель белорусской литературы Чечерской СШ был снят с работы за то, «что рекомендовал ученикам собирать к/р кулацкий фольклор, кулацкие частушки» [14, л. 5; 15, л. 7].

Коллективизация и ее последствия были опеты крестьянами Гомельщины в следующих частушках.

Например, ход дел в колхозе характеризовался следующим образом:

Нет ни хлеба, ни колбас,
Разбежится весь калгас [6, л. 323].

В частушках крестьяне выражали надежду на скорый развал колхозов, их недолговечность:

Разаб'ецца гаршок,
Разсыпiцца каша.
Разбяжыцца калгас,
Зямля будзе наша.

Сталiн грае на бандуры,
Троцкi скача гапака,
У калгас пашлi спакойна,
А з калгаса драпака [14, л. 6].

Колхозы у крестьян ассоциировались с нищетой и бедствием:

У калгас дарога прама,
А з калгаса касяком,
У калгас пашлi у лапцях,
А з калгаса баяком.

Сталiн ходзiць па садам
I збiрае слiвы,
Кто у калгас не пашоў,
Той i шчаслiвы [14, л. 6].

По мнению крестьян, при советской власти хорошо живется только руководству государства и коммунистам, которые «высасывают кровь» у простого народа, забирают последнее, а сами только «мелют языками и ничего не делают»:

А в городе Москве лежит Ленин
На доске, пузо в гору, ноги
В клетку (клетку), выполняя пятилетку [14, л. 6].

В словах крестьян правительство видело угрозу советскому государственному строю. Многие крестьяне были объявлены врагами народа и привлечены к ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду. За высказывания и частушки подобного рода крестьяне могли получить срок от 6 месяцев до 10 лет лишения свободы с конфискацией всего или части имущества, а в некоторых случаях приговаривались к высшей мере социальной защиты – расстрелу.

Таким образом, советская власть не была принята значительной частью крестьян и еще долго оставалась им чужой. Лишь благодаря развитому

репрессивному аппарату, советскому правительству удалось запугать население на долгие десятилетия и создать мнимую лояльность к советской власти.

Список литературы

1 Протокол №4 заседания пленума Гомельского АК КП(б)Б ад 10-15/XI-29 г. // Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее ГАООГО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 415. Л. 76 – 77 об.

2 Всем секретарям райкомов «О ходе хлебозаготовок» // ГАООГО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 555. Л. 59.

3 Всем Райуполномоченным ГОМОКРОТДЕЛА, секретарям Райкомов КП(б)Б и Пред. РИКов «О выселении» // ГАООГО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 555. Л. 73.

4 Всем Помпрокурора Гомокруга «О слабом ходе хлебозаготовок» // ГАООГО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 556. Л. 187.

5 Ивницкий, Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928 – 1933 гг.) / Н.А. Ивницкий. – РАН. Институт российской истории, Университет г.Торонто (Канада). – М., 2000. – 350 с.

6 Бюллетень №17 по Гомельскому пригородному району от 20 ноября 1931 г. // ГАООГО. Ф. 265. Оп. 4а. Д. 218. Л. 322 – 324.

7 Спецсводка №70 Гомельского окружного отдела ГПУ Белоруссии. По состоянию на 28-ое апреля 1930 // ГАООГО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 714. Л. 381.

8 Инфармацыя правядзення дня ураджаю // ГАООГО. Ф.3. Оп 1. Д. 686. Л. 8 – 8 об.

9 Спец. Сводка №19 Ветковского Райотдела ГПУ БССР О ходе заготовок по Ветковскому району по состоянию на 26-е сентября 1932 // ГАООГО. Ф. 278. Оп. 1а. Д. 663. Л. 73 – 76.

10 Спецсводка № 4 «О ходе весенне-посевной кампании» по Гомельскому пригородному району от 17 мая 1932 г. // ГАООГО. Ф. 265. Оп. 4а. Д. 225. Л. 608.

11 Воспоминания Половкова В.М. (1928 г.р.) и Половковой Ф.П. (1934 г.р.) – жителей деревни Литвиновичи Кормянского района о проведении коллективизации в 1930-е гг. в деревне Литвиновичи Кормянского района.

12 Заветные частушки из собрания А.Д. Волкова. В 2 т. / Т.2. Политические частушки / Сост. А.В. Кулагина. – М., 1999. – 500 с.

13 Раманав, І. Палітычныя прыпеўкі 1920 – 1930-х г./ І. Раманав // Гістарычны альманах. – 2009. – Т. 15. – С. 102 – 118.

14 Докладная записка в НКА (спецчасть) 5/XI-36 г. // Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). Ф. 4. Оп. 17. Д. 9. Л. 5 – 6.

15 Сведения о снятых с работы учителях за протаскивание контрреволюционной троцкистской и нацдемовской контрабанды за 1936 год // НАРБ. Ф. 4. Оп. 17. Д. 9. Л. 7.

не смогло наладить победы на фронте и жизнь в тылу. Крестьяне требовали отдать им землю, солдаты – мира.

Жаркая осень 1917 года

Но, как известно, «кому война – а кому мать родна». И действительно, прибыли гомельских предпринимателей, занимавшихся поставками армии, бешено росли. Так, только Моисей Фрумин, который владел чугунолитейным заводом – нынешним ОАО «СтанкоГомель», за годы войны увеличил количество своих рабочих в несколько раз.

Недовольные граждане новоиспеченной Российской демократической республики искали выход из кризиса и новых лидеров. Многие интеллигенты и женщины обожали импозантного премьера и говоруна Александра Керенского. За словом в карман своего френча Александр Федорович никогда не лазил. Но вот денег у бывшего адвоката не было – внешний долг России составил к этому времени 50 миллиардов рублей. Что при любом исходе войны грозило ей частичной потерей независимости. Не спасали положение и печатание новых банкнот – «керенок», стремительно обесценивавшихся.

Свободой слова и бумажными «фантиками» от Керенского народ накормить было невозможно. Зато большевики во главе с Владимиром Ульяновым и левые эсеры вместе с «крестьянской богородицей» Марией Спиридоновой обещали немедленно прекратить империалистическую войну, дать крестьянам землю, рабочим – достойную зарплату и контроль над условиями своей работы на фабриках. А всю власть построить «снизу», через систему базовых Советов. А в будущем – царство справедливости на земле – коммунизм.